

Лейкин Николай Александрович

Мученики охоты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Мученики охоты / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 270 с.

ISBN 978-5-519-92923-3

ISBN 978-5-519-92923-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

УЖЕНЫЕ РЫБЫ.

ВАХОДЯЩЕЕ солнце золотитъ своимъ лучомъ хрустальную зыбь Невы. У перилъ купальни, прикрѣпленной къ берегу Крестовскаго острова, на обрубкѣ дерева помѣщается пожилой дачникъ въ соломенной шляпѣ и съ удочкой въ рукахъ. Онъ весь обратился въ зрѣніе и не спускаетъ взора съ лежащаго на водѣ поплавка. Тутъ-же закинута и донная удочка съ колокольчикомъ. Около дачника помѣщается ведро и коробка съ червями. Лѣвой рукой онъ машинально пощипываетъ свои узенькія бакенбарды на скулахъ и ждетъ, когда «клюнетъ». Кажется, что онъ даже притаилъ дыханье. Вотъ онъ гримасничаетъ, гримасничаетъ, и наконецъ не выдержавъ, громко чихаетъ, но тутъ-же щиплетъ себя за ухо и шепчетъ, стиснувъ зубы:

— Старый дуракъ! Не могъ воздержаться отъ чиханія, когда ужъ рыба клевать начала. Ахъ, ты телятина!

На помость купальни приходитъ лакей во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, и остановясь въ почтительномъ отдаленіи, произноситъ:

— Пожалуйте, сударь, чай кушать. Барыня ужъ давно за самоваромъ сидятъ и гнѣваться изволятъ.

— Чего орешь, болванъ! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ ты не смѣлъ сюда приходиться рыбу пугать. Черезъ тебя я только большаго окуня упустилъ! Важная вещь чай! Попелъ вонъ!

— Мнѣ чтожъ? Я пойду... А только я свою обязанность правлю, такъ какъ меня барыня посылали.

Лакей повернулся и ушелъ.

— Покоя не даютъ! Опять прошепталъ дачникъ.—Ни одного пискаря, ни одной уклейки не поймалъ.

Пауза. Опять созерцаніе поплавокъ. Текущая вода дѣлаетъ головокруженіе. Вотъ клюнуло. Еще... еще... Поплавокъ окунулся подъ воду. Дачникъ вынулъ удочку, но она оказалась пуста. Не только червякъ былъ съѣденъ, но даже и крючекъ откусенъ.

— Иванъ Ивановичъ! Ну какъ тебѣ не стыдно! Зову, зову чай пить и дозваться не могу! Вѣдь самоваръ остылъ, раздался за нимъ женскій голосъ и на помостѣ показалась молодая красивая женщина—жена дачника.

— Ахъ, матушка! Что тутъ самоваръ, когда у меня тутъ сейчасъ щука и червя и крючокъ отгрызла! отвѣчалъ дачникъ, не оборачиваясь.—Не вертись тутъ и иди домой. Я сейчасъ приду. Чай мнѣ можешь налить, а самоваръ пусть уберутъ. Только въ стаканъ щуку не клади...

— Какую такую щуку въ стаканъ?.. удивилась жена.

— То бишь, что я! Сахару въ стаканъ не клади, потому я буду пить въ прикуску, поправился дачникъ. — А самовара не надо.

— Какъ не надо, коли я сама еще не пила. Я тебя жду. Пойдемъ чай пить. Больше я ждать не намѣрена.

— Э—хъ, крикнулъ дачникъ.—Ни одной рыбины не дадутъ поймать! То обѣдъ, то чай, то ужинъ.

— Не слѣдовало тебѣ тогда жениться на мнѣ, коли ты такой страстный охотникъ до рыбной ловли. Помилуй, ты даже не находишь времени прогуляться со мной.

— А вчера на тони-то ѣздили.

— Такъ вѣдь опять таки на тони, опять таки рыбная ловля, а я просилась въ «Ливадію» на силача посмотреть. Зимой ты еще человекъ, а лѣтомъ я отъ тебя никакихъ словъ не слышу, какъ только черви, плотва, окунь и удочка. Я подозреваю, что ты и женился-то на мнѣ изъ-за того, чтобы взять въ приданое дачу на Крестовскомъ и ловить рыбу около этой дачи.

— Коли ужъ на то пошло, то да, да, да! съ сердцемъ заго-

ворилъ мужъ и началъ собирать удочки.—Ну, пойдемъ домой! Бери коробку съ червями, а я ведро понесу.

— Да вы въ умѣ? Я на вашихъ поганныхъ червей и глядѣть-то боюсь, а тутъ неси вамъ коробку съ червями.

— Прекрасно! Жена рыбака и боится червей!

— Какой вы рыбакъ?—вы статскій совѣтникъ. У васъ орденъ на шеѣ. Ежели бы я знала, что вы полоумный человѣкъ отъ рыбной ловли, я за васъ и не пошла-бы. Идите сейчасъ чай пить.

Мужъ съ ведромъ, удочкой и коробкой червей поплелся за женой. Черезъ десять минутъ они пили чай.

— Когда солнце заходитъ, когда рыба клюетъ, тогда чай пить придумываютъ! бормоталъ мужъ.

— У тебя она ни во время солнечнаго заката, ни во время восхода, ни въ полдень, ни ночью не клюетъ, возразила жена.

— Какъ не клюетъ? А кто тебѣ въ прошлый четвергъ привезъ со взморья большую щуку и одиннадцать самыхъ крупныхъ окуней, не считая разной мелочи?

— Полноте хвастаться-то! Вы эту рыбу на тоняхъ купили. Я потомъ узнала.

— Окуней точно — что на тоняхъ купилъ, а щуку самъ поймалъ, и мелочь тоже.

— Послушайте, Иванъ Ивановичъ, поѣдемъ мы наконецъ хоть сегодня-то на Елагинъ? спросила жена.

— И поѣхалъ-бы, другъ мой, да червей копать надо, а потомъ пораньше спать. Завтра на зарѣ думаю всѣ двѣнадцать донныхъ удочекъ въ ходъ пустить, а въ наличности у меня всего четыре червя.

Жена смотрѣла на него и качала головой.

— Вы совсѣмъ полоумный! сказала она.—Вамъ не дѣлами заниматься, а въ сумасшедшемъ домѣ на цѣпи сидѣть.

— Посади меня на три дня на цѣпь, около нашей ванной—смѣло просижу.

— Ахъ вы циникъ! И не стыдно это вамъ?

— Тутъ, матушка, стыдиться нечего. И великіе люди имѣли свои слабости. Ты еще не знаешь всего. Вчера у насъ въ правленіи нашего общества я на докладѣ ревизіонной комиссіи вмѣсто своей фамиліи подмахнулъ слово «окунь».

— Не смѣйте мнѣ рассказывать такихъ глупостей! Еще разъ спрашиваю: ѣдете со мной на Елагинъ?

— А какже черви-то?

— Черви вамъ милѣе жены? Ну, хорошо. Я пошлю за кузиномъ Вольдемаромъ и пойду съ нимъ гулять куда-нибудь.

— Ну, нѣтъ, ужъ этого я не позволю! Кроткій я человѣкъ, а общался ему обломать ноги и обломаю.

— Это тому-то человѣку, который вамъ въ прошломъ году столько червей копалъ! Ахъ вы неблагодарный!

— Но, душечка, вѣдь онъ же дозволилъ себѣ дерзость поцѣловать тебя.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь онъ мальчикъ, ему едва двадцать лѣтъ. Онъ и поцѣловаль-то мальчишечьимъ поцѣлуемъ. Да и не поцѣловаль, а несли мы вамъ-же неводъ, петля за дѣла за пуговицу моего платья, онъ сталъ отцѣплять ее и губы его наткнулись на мою щеку.

— Мальчикъ! Не мальчикъ, а нижній военный чинъ, юнкеръ.

— Все-таки ноги ломать нельзя. А еще вчера сидимъ мы съ Марьей Ивановной на пароходной пристани, а онъ идетъ мимо и говоритъ: «скажите Ивану Ивановичу, что ежели онъ меня проститъ, то я ему укажу такое мѣсто, гдѣ червей цѣлыя тысячи.»

— Ой! оживился мужъ.—А гдѣ это черве-обильное мѣсто—онъ не сказалъ?

— Нѣтъ, не сказалъ. Хочетъ самъ указать.

— Червей-то у меня мало, да и взять не знаю гдѣ. А къ завтраму мнѣ они до зарѣзу нужны. Ну, хорошо, пошли за Вольдемаромъ. Только гулять тебя я съ нимъ не пущу. А мы возьмемъ его съ собой на Елагинъ, а послѣ пусть онъ мнѣ червиное мѣсто укажетъ и поможетъ червей рыть.

За Вольдемаромъ послали. Кучеръ заложилъ лошадей въ коляску.

— Ну, поѣдемъ лучше ему на встрѣчу, а то ужъ поздно ждать, сказалъ мужъ, усадилъ жену въ коляску и только-что хотѣлъ самъ садиться, какъ вдругъ словно ужаленный вскрикнулъ: — Батюшки! Сѣти-то для ловли раковъ я и забылъ въ воду опустить! Погоди, я сейчасъ!

Съ этими словами онъ бѣгомъ бросился къ купальнѣ. У ко-

ляски, между тѣмъ, стоялъ красивый кавалерійскій юнкеръ и разговаривалъ съ молодой женщиной.

— Иванъ Ивановичъ, скоро ты? кричала жена мужу.

— Некогда, матушка, некогда! Поѣзжай вдвоемъ съ Вольдемаромъ, да привози его скорѣй, чтобъ червей копать! откликнулся мужъ.

Коляска помчалась по набережной съ молодой женщиной и юнкеромъ.

II.

ПОЪЗДКА ПО ТОНЯМЪ.

ВЕЧЕРЪ. Къ тонямъ на Аптекарскомъ островѣ подъѣзжаетъ ялботъ съ двумя гребцами. Изъ ялбота кто-то машетъ краснымъ платкомъ и наконецъ, недовольствуясь этимъ, вздѣваетъ платокъ на багоръ.

— Ребята! Савель Парамонычъ, кажись, ѣдетъ, говоритъ работникамъ, тянущимъ тоню, приказчикъ рыболовнаго заведенія и прикладываетъ ладонь ко лбу на манеръ козырька.— Онъ и есть. Затягивай пѣсню какую ни-на-есть покруче ему въ удовольствіе! Купецъ добрый, сейчасъ на четверть разщедрится.

Мужики затагнули пѣсню. На тоняхъ въ это время былъ священникъ съ матушкой-попадѣй.

— И часто ѣздитъ къ вамъ сей купецъ? спросилъ священникъ приказчика.

— Какъ только ловъ на какуюнибудь рыбу начнется— почитай что каждый вечеръ жалуетъ. Очень ужъ онъ пронытеленъ насчетъ рыбы. Такая охота тони кидать, что я и не видывалъ. Инда трясется. Одно слово: ядъ. По шестидесяти рублей прокидывалъ, чтобъ только лососка поймать.

Ялботъ подъѣхалъ къ тонямъ. Въ немъ сидѣли купецъ и его жена.

— Вашему здоровью! гаркнули мужики и снимали шапки.—Вамъ въ уваженіе пѣсню поемъ.

— Спасибо, ребята! Будьте покойны, виномъ не обижу.

— Рады стараться, ваше степенство!

Купецъ вышелъ изъ ялбота и крикнулъ женѣ.

— Ну, Андревна, выходи! Какъ воду цѣдите? обратился онъ къ приказчику.

— Во всемъ благополучіи, Савель Парамонычъ.—Вчера на зарѣ пятокъ во какихъ въ одну тоню попались, а то по одному и по два лососка залезаютъ.

— То-то мнѣ сегодня на садкѣ сказывали, что ужъ лососинный ловъ начался; вотъ я и собрался на Козлы на взморье половить, да и къ вамъ по дорогѣ заѣхалъ на пятокъ рублишекъ водички поцѣдить. Своя или счастливая? спросилъ купецъ, кивая на вытягиваемую тоню.

— Счастливая. Вотъ ихъ преподобіе закинуть изволили, отвѣчалъ приказчикъ.

— Моя-съ, поклонился священникъ.—Сидѣли—сидѣли съ матерью у себя на дачѣ на Черныхъ Рѣчкахъ, да и вздумали поѣхать и побаловать на уху къ ужину.

— Доброе дѣло. И апостолы были рыбаками. Ну, Лососина Андревна, приткнись вонъ на скамеечку рядомъ съ матушкой. Что на одномъ мѣстѣ топчешься и словно глину ногами мѣсишь! опять крикнулъ купецъ на жену, и обратясь къ приказчику, сказалъ:—Послѣ ихъ преподобія пятокъ тоней за мной.

— Охотникъ, видно, вы рыбку-то половить? спросилъ его священникъ.

— Смерть. Тони—это для меня самая каторжная Сибирь. Когда ловъ есть я ночей не досыпаю, съ тѣла спаду и сдѣлаюсь наподобіе какъ-бы моща. Тутъ вотъ корюха ловилась, такъ я цѣлую недѣлю подрядъ на тоняхъ утреннія зори встречалъ. Ей-Богу. Сомовина Андревна, помнишь? окликнулъ купецъ жену.

— Да, да. Замучилъ ужъ онъ меня тогда этой корюшной канителью, а вотъ теперь лососинныя муки начались. Одного отпустить боюсь, потому что у него рыбная охота пополамъ съ хмѣльнымъ глотаніемъ выходить, ну и ѣзжу сзади какъ нитка за иголкой.

— За то мы тебя, Бѣлуга Андревна, и цѣнимъ! За корюшный ловъ я тебѣ бархатный казакъ подарилъ, а за лососин-

ный считай за мной матерчатое платье. На сеговый лов зонтикъ подарю.

— Что-жъ, это добросердечіе превыше мѣры съ вашей стороны, сказалъ священникъ.

— Ну, вотъ! Пушай только поменьше ругательныхъ изверженіевъ на меня дѣлаетъ. Прочтите-ка ей, ваше преподобіе, проповѣдь хорошую: какъ женѣ мужа почитать подобаетъ, а то подчасъ изъ нея эта самая словесность, какъ фонталь на меня брызжетъ. Ей-Богу.

Священникъ улыбается.

— Знаете-ли, ваше высокопреподобіе, восколько мнѣ корюшная фантазія обоплась? пристаеъ къ нему купецъ и тутъ-же прибавляетъ:—Двѣ радужныя истиннику на мелкую рыбу изъ-за голенищи вытравилъ. Плотва Андревна, помнишь?

— Да, да. И столько мы въ тѣ поры корюхи половили, что ужаси подобно! По двѣ и по три платяныхъ корзины домой привозили. И ужъ такъ, что двѣ недѣли, окромя корюхи, ничего и не ѣли. Корюха жареная, корюха вареная, хлебово изъ корюхи. Во все посуды намариновали ее. Ыли, ѣли—претить начало. Приказчики сбунтовались: мясо подай. А между тѣмъ все ловимъ, да домой привозимъ. Стали знакомымъ дарить, нищимъ корюшкой подавать. И кончилось тѣмъ, что кадки четыре у насъ ее протухли. Такъ на помойную яму и вывалили. А вотъ теперь съ лососиной будетъ таже музыка, да еще къ Петрову дню сигъ пойдетъ.

— Зато охота, Сеговина Андревна! похвалился купецъ.—Изъ-за сеговаго лова, ваше преподобіе, я въ прошломъ году, чуть Богу душу не отдалъ. Насилу вытащили, а то ужъ совсѣмъ было пузырьки пошли.

— Скажите на милость! Какъ-же это такъ? покачалъ головой священникъ.

— Очень просто. На взморѣ дѣло было. Поѣхалъ я самъ съ рыбаками неводъ закидывать. Грѣшнымъ дѣломъ посудинку съ самопласомъ купеческимъ съ собой захватили. Правой рукой неводъ въ воду кидаемъ, а лѣвой водку ко рту подносимъ, ну, и вышелъ кувыркательный антресоль. Хотѣлъ я перешагнуть черезъ скамейку, а въ ножныхъ поджиліяхъ слабость оказалась. Тутъ я и бултыхнулся, да по топорному...

Спасибо еще, что ребята за волосы вытащили, а то прямо цукамъ на ужинъ.

— Вотъ видите, никогда на водѣ не слѣдуетъ пить.

— Эхъ, ваше преподобіе, на водѣ-то только и пить въ лѣтнюю пору, потому прохлада. Не прикажете-ли по рюмочкѣ? У меня въ ялботѣ померанцевый запасъ есть въ лучшемъ видѣ.

— Спасибо, но безъ благовременія я не пью.

— Какъ безъ благовременія? Да теперь-то самое благовременіе и есть. Вонъ даже галка у бережка пьетъ. Тогда красного церковного не желаете-ли? Здѣшніе молодцы живо до погребѣ спорхаютъ.

— Нѣтъ, ужъ увольте.

Тоню заказанную священникомъ начали вытаскивать. Въ ней оказалась одна—единственная плотичка.

— Ловитва не важная, проговорилъ купецъ.—Тутъ и святому Антонію на уху не хватило-бы. А ужъ я, ваше высокопреподобіе, такъ неотстану. Весь полкъ переморю, а добыюсь, что за болѣзнь и лососка навѣрное вытащу. Зацѣпили мою-то? спрашиваетъ онъ работниковъ.

— Зацѣпили, Савель Парамонычъ. Будьте счастливы, кромѣ осетра и стерледи! отвѣчали они.

— Судачина Андревна, наша счастливая тоня пошла! Замаливый угодниковъ! крикнулъ купецъ женѣ, снялъ съ себя сюртукъ, кинулъ его ей на колѣни, и поплевавъ на руки, началъ вертѣть вмѣстѣ съ рабочими воротъ съ веревкой отъ тони.

— Не ярысь, не ярысь очень-то! Нечего тебѣ умаиваться. Вѣдь еще на взморье на Козлы поѣдемъ, а оттелева тебя раньше, какъ послѣ зари домой не выманишь! удерживала его жена.

III.

ГОЛУБЯТНИКЪ.

ВЪ ЯМСКОЙ, на извощичьемъ дворѣ, на голубятнѣ, построенной надъ сѣновалами, стоялъ старшій сынъ содержателя извоза Васютка Трефачовъ и самымъ старательнымъ образомъ размахивалъ тряпкой, вздѣтой на палку. Это былъ взрослый дѣтина лѣтъ двадцати двухъ въ сертукѣ ниже колѣнъ и въ франтовскихъ такъ называемыхъ дутыхъ сапогахъ. Голова его была задрана кверху, и онъ съ самымъ строгимъ вниманіемъ слѣдилъ за полетомъ голубей, вылетѣвшихъ изъ голубятни и носящихся въ воздухѣ. Внизу стояла стряпуха въ сарафанѣ и кричала ему:

— Василій Романычъ! А, Василій Романычъ! Да очнись ты, идолъ истуканный! Что статуемъ-то безчувственнымъ стоишь! Семиткины изъ подъ Невскаго съ дочкой въ гости пріѣхали!

Но Василій Романычъ не внималъ и не только махалъ палкой, но даже грозилъ въ небо кулакомъ, не допуская чтобы голуби опускались низко. Очнулся онъ только тогда, когда мывшій на дворѣ пролетку работникъ поднялъ съ земли валявшійся стоптанный опорокъ и кинулъ имъ въ него, изрядно ударивъ по ногамъ.

— Чего ты орешь, сатанинина заклепка! Что тебѣ? отнесся Васютка къ стряпухѣ.